

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 327

А. Г. Гольцов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В целом мировой порядок имеет полицентричную структуру. Его современные изменения происходят в соотношении сил между наиболее мощными акторами, характере их взаимодействия и распределении сфер влияния. Самые сильные центры, которые определяют развитие мировых политических процессов, можно квалифицировать как геополитические полюса мира. Современный геополитический полюс представляет собой фактически неоимперию и устанавливает преимущественно неформальный контроль над другими акторами. Однополярная, биполярная и многополярная модели недостаточно адекватно отображают «гибридный» характер современного геополитического порядка в мире. В мировом геополитическом порядке наиболее мощным полюсом остаются США. Запад как неформальная макроимперия объединяет США (полюс), несколько держав-центров и другие западные государства. Главной проблемой для современного Запада является защита безопасности. Наиболее сильные и амбициозные незападные центры, особенно Китай и Россия, стремятся к повышению своей роли в мире, расширению сфер влияния и фактическому превращению в геополитические полюса мирового порядка. Предполагается, что в мире может сформироваться олигополярный неоимперский геополитический порядок. Для обеспечения безопасного и стабильного мира, а также для борьбы с террористической деятельностью «внесистемных» транснациональных акторов необходимо конструктивное взаимодействие США (и Запада в целом), Китая, России, Индии, региональных центров и других акторов. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: геополитический порядок, центр, полюс, неформальная неоимперия, олигополярный неоимперский порядок.

A. G. Goltsov

GEOPOLITICAL ORDER IN THE WORLD: TRENDS OF DEVELOPMENT

In general, the world order has a polycentric structure. Its contemporary changes take place in a correlation of forces among the most powerful actors, the nature of their interaction and the distribution of spheres of influence. The strongest centers that determine the development of world political processes can be qualified as global geopolitical poles. Contemporary geopolitical pole is in fact a neo-empire and establishes predominantly the informal control over other actors. Unipolar,

Гольцов Андрей Геннадиевич — кандидат географических наук, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина, 04119, Киев, ул. Мельникова, 36/1; Andrgengolts1@ukr.net

Goltsov Andrey G. — PhD, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 36/1, Melnikova str., Kyiv, 04119, Ukraine; Andrgengolts1@ukr.net

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

bipolar and multipolar models do not accurately reflect the “hybrid” nature of the modern geopolitical order in the world. The United States remains the most powerful pole in the world order. The West as an informal macro-empire unites the US (pole), several powerful centers and other Western states. The main problem for the modern West is protection of security. The most powerful and ambitious non-Western centers, especially China and Russia, are striving to increase their roles in the world, expand spheres of influence and actually turn into geopolitical poles of world order. It is assumed that the oligopolar neo-imperial geopolitical order may be formed in the world. The constructive interaction of the US (and the West as a whole), China, Russia, India, regional centers and other actors is necessary to ensure a safe and stable peace, as well as to combat the terrorist activities of “extrasystemic” transnational actors. Refs 24.

Keywords: geopolitical order, center, pole, informal neo-empire, oligopolar neo-imperial order.

Сформировавшийся в конце XX в. мировой порядок с неформальным верховенством США ныне пребывает в состоянии кризиса. Существующие международные институты показали свою ограниченную способность решать глобальные проблемы, обеспечивать мир и безопасность, эффективно бороться с транснациональным терроризмом и т. п. В развитии международных отношений наблюдаются неоднозначные тенденции. Прежде всего, преобладают отношения сотрудничества между различными акторами. В то же время на повестке дня остается соперничество между рядом ведущих держав, стремящихся к обеспечению своих геополитических и геоэкономических интересов на мировой арене. Возможно усиление конкуренции между могущественными акторами за перераспределение сфер влияния в отдельных регионах мира, за контроль над стратегическими ресурсами и потоками товаров и капиталов. Проблемы диагностирования современного мирового порядка и прогнозирования тенденций его развития вызывают острые дискуссии в научной среде. Многие авторы, сознательно избегая однозначной идентификации нынешнего мирового порядка, именуют его «постбиполярным». Представляется весьма актуальным изучение мирового порядка в геополитическом измерении.

Международный политический порядок формируется на различных иерархических уровнях — от мирового до субрегионального. В любом случае определенный международный порядок выступает как результат взаимодействия ведущих акторов (прежде всего суверенных государств). Согласно Дж. Айкенберри, он предстает как «базовое согласие между группой государств относительно ключевых правил, принципов и институтов» [1, р. 45]. Под мировым порядком зачастую понимают «конвенциональную систему мирового устройства, определяющую принципиальный характер взаимодействия между государствами и негосударственными акторами» [2, с. 5]. В соответствии с расширенным подходом Н. М. Сироты, мировой порядок определяется как «совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы» [3, с. 180]. Государства и международные институты, как правило, декларируют высокие демократические принципы и нормы организации мирового порядка, основанные на международном праве. В то же время официально проводимая государствами внешняя политика зачастую скрывает (как и в историческом прошлом) подлинные интересы и деятельность властвующих элит с их «центрами принятия решений» (ЦПР), как формальными, так и неформальными. Имея

собственное видение желательного мирового порядка, наиболее могущественные акторы стремятся «продавливать», опираясь на более или менее мощный потенциал, «свой порядок» [4, с. 7].

В качестве основного предмета нашей работы выступает моделирование мирового геополитического порядка и выявление тенденций его развития. В соответствии с геоэкономическим подходом Дж. Эгню и С. Корбриджа, такой порядок означает «рутинные правила, институты и стратегии, на основании которых международная политическая экономика работает в разные исторические периоды» [5, р. 15]. Причем та или иная «гегемония правил и практик, представляющих собой геополитический порядок» [5, р. 45], подвергалась изменениям в ходе исторического развития мира. С точки зрения К. Флинта и П. Тейлора, мировой геополитический порядок выглядит как «стабильная модель мировой политики, в которой доминирует повестка дня, установленная крупнейшими державами» [6, р. 310]. В целом геополитический порядок представляет собой соотношение сил, распределение сфер влияния и характер взаимодействия геополитических акторов в определенном геопространстве. Именно наиболее мощные акторы формируют международный геополитический порядок, и они же стремятся предписывать правила политического поведения для всех прочих.

В современных условиях геополитический порядок строится исходя не только из интересов ведущих держав, но и с учетом суверенных прав прочих государств, действующих норм международного права и требований международных институтов. На становление и развитие геополитического порядка влияет пространственное распределение как политических, так и экономических, социальных, идеологических, культурных и других факторов. Моделирование мирового порядка, в особенности геополитическое, строится, как правило, исходя из количества полюсов в мире. Соответственно, речь может идти об одно-, двух- или многополюрном мировом порядке. Понятие «полюс» в международных политических исследованиях предстает как весьма спорное. Он может, в частности, трактоваться как «точка концентрации и локализации силы» [7, р. 12]. Принципиально важным индикатором для полюса служит высокая степень концентрации силовых ресурсов международной системы [8]. Очевидно, что в качестве полюсов мирового порядка способны выступать именно те акторы, которые сосредоточили в своих руках настолько мощные экономические, военные и другие ресурсы, что намного превосходят силовые потенциалы прочих акторов международных отношений.

В различных схемах геополитического моделирования понятия «полюс» и «центр» нередко четко не различаются, их даже могут употреблять как синонимы. Считаю, что центр выступает как более широкое понятие для определения достаточно сильного актора международных отношений, способного организовать функциональное взаимодействие с рядом других геопространственных акторов и управлять им. В целом мировому порядку присуща полицентрическая структура. Центры обладают весьма различающимися потенциалами и далеко не всегда претендуют на главные роли в мировом порядке. Они способны не только конкурировать между собой, но и тесно сотрудничать, даже интегрироваться. А вот возникновение полюса уже представляет собой довольно редкое явление. Полагаю, что для полюса мирового порядка как актора должны быть присущи следующие черты: совокупная мощь, сопоставимая с другими сильнейшими акторами и дающая

достаточно широкие возможности для влияния на мировые процессы; независимая властвующая элита, обладающая политической волей к воздействию на мировую политику и имеющая пригодные для этого институты; проведение целиком самостоятельной и эффективной геополитики, обеспечивающей расширение и/или сохранение значительных сфер влияния во многих регионах мира; сосредоточение в руках властвующей элиты (ее ЦПР) неформальной власти над многочисленными международными акторами, ее способность в значительной мере контролировать мировые процессы.

Наряду с полюсами мирового уровня (одним, двумя или более), представляется возможным выделение еще и региональных полюсов. При этом полюс мирового уровня, естественно, играет соответствующую роль и в пределах региона его непосредственного расположения, а также в тех регионах, где он обладает достаточно развитыми и устойчивыми сферами влияния. В качестве регионального полюса способен выступать мощный центр, доминирующий в данном регионе, но не имеющий потенциала и амбиций стать одним из мировых полюсов. На региональном уровне возможно возвышение двух или более центров, которые достаточно резко выделяются среди прочих акторов своей мощью, проводят самостоятельную геополитику и полноценно конкурируют между собой за сферы влияния. Такие центры также могут квалифицироваться в качестве региональных полюсов. Тот или иной региональный полюс может выступать в качестве союзника мирового полюса или же на региональном уровне составлять ему (или им) конкуренцию.

Предполагаем, что могущественный центр для достижения и поддержания неофициального геополитического статуса полюса нуждается в неформальной неоимперской системе. Геополитическая структура такой системы включает главный центр (сам полюс) и ряд полупериферийных и периферийных акторов, над которыми он устанавливает неформальный контроль. Возможно наличие региональных центров и «субцентров», выступающих союзниками главного неоимперского центра. От классических империй эпохи модерна неоимперии отличаются именно своим неформальным характером. Для формирования неоимперской системы весьма важна идейная и культурная близость акторов, что делает возможным «мягкое» доминирование главного центра, добровольное вовлечение партнеров в различные формы взаимодействия. Существование неоимперской системы обеспечивается прежде всего институтами экономической интеграции, возможно даже формирование военно-политического альянса. Формально суверенные акторы, входящие в состав неоимперии, зачастую проводят согласованную с главным центром внешнюю политику и поддерживают его проекты. Неоимперский центр, как правило, не вмешивается во внутренние дела своих периферийных партнеров, за исключением случаев, когда возникают угрозы для его безопасности или стратегических экономических интересов. Для достижения своих целей на мировой арене современный неоимперский полюс отдает предпочтение использованию широкого арсенала средств «мягкой силы», хотя под благовидным предлогом не останавливается и перед применением «жесткой силы», иногда даже военной. Прямое имперское управление над отдельными территориями является ныне довольно редким исключением.

При наличии двух и более полюсов в геополитическом порядке возникает определенная поляризация. Она может быть как «жесткой» (даже антагонистической), так и сравнительно «мягкой», которая, несомненно, предпочтительнее для

мирного и стабильного мирового развития. Поляризация мирового порядка может проявляться в усилении конкуренции (и даже противостояния) между отдельными полюсами в идеологической, политической, экономической, военной, культурно-информационной сферах. Идеологическая поляризация, четко выраженная в период холодной войны, все же не исчезла из повестки дня мирового порядка. Современный кризис западного либерализма создает возможности для укрепления альтернативных идеологий, что может привести к идеологической поляризации. А идейная конфронтация («борьба идеологий») является мощным стимулом для нарастания политической конфликтности во взаимоотношениях между полюсами. Актуальным остается и традиционное геополитическое противоборство, проявляющееся в жесткой конкуренции между полюсами за сферы влияния в геопространстве. Даже развитое взаимодействие в сфере экономики отнюдь не гарантирует от возникновения геополитических конфликтов между полюсами. А при наличии еще и острых экономических противоречий геополитическая поляризация имеет тенденцию усугубляться.

Во взаимодействии между акторами соотношение их потенциалов имеет весьма большое значение. В случае длительного конфликта превосходящий потенциал в принципе должен сыграть свою роль в «истощении» противника. В современную эпоху особое значение придается развитию финансового, экономического, научно-технологического, коммуникационного потенциала. Но экономическая мощь даже сверхдержавы непосредственно не проецируется в геополитическом пространстве. Следует признать справедливость оценки У.Уолфорта: «...сейчас гораздо сложнее трансформировать показатели ВВП в другие факторы государственной мощи, в особенности военной, чем в середине XX века» [9]. Преобладающий военный потенциал сверхдержавы (полюса) в полном объеме не может быть непосредственно использован, т. е. конвертироваться в подавление мощи противника и подчинение его своей воле. В современных условиях тотальная война за мировое господство, к счастью, вряд ли вероятна, а в локальных войнах и конфликтах тот или иной могущественный актор может использовать лишь небольшую часть своего военного потенциала. Особая роль в наше время принадлежит обладанию ядерным оружием, хотя само по себе оно еще не делает актора полюсом мирового порядка. При наличии у более слабого противника ядерного потенциала превосходство более мощного актора по другим параметрам хоть и не нивелируется, но не выступает гарантией победы. Итак, сам по себе превосходящий потенциал полюса еще не гарантирует непосредственного успеха в воздействии на контрагентов.

Общепринято, что однополярность означает наличие лишь одной сверхдержавы, возглавляющей мировую систему. Причем «отличительное качество системы с одной сверхдержавой состоит в том, что ни одно другое государство не обладает достаточной силой, чтобы ее уравновесить» [10, р. 11]. В то же время сверхдержава «обладает достаточно большими возможностями, чтобы предотвратить формирование превосходящей и уравновешивающей коалиции, направленной против нее» [11, р. 5]. Однополярность выглядела наиболее адекватной для периода, наступившего сразу после окончания холодной войны. В 1990 г. Ч. Краутхаммер предложил временную (на 30–40 лет) однополярную модель мира во главе со сверхдержавой США, а впоследствии предположил, что «однополярный момент стал однополярной эпохой» [12, р. 17]. Однополярность мира

обуславливалась прежде всего подавляющей мощью Запада и относительной слабостью возможных конкурентов. Единственным полюсом в «новом мировом порядке» выступали, естественно, США. Среди западных союзников откровенных «ревизионистов» не наблюдалось. Россия в целом демонстрировала прозападный курс реформ и внешней политики. Для Китая, сохранившего социалистическую систему, представлялась неизбежной трансформация в духе либерализации. Отдельные страны-«изгои» (Ирак, Иран, КНДР, Ливия, Сирия) не угрожали однополярному мировому порядку. Таким образом, казалось, что в мире установилось господство «униполю», включающего сверхдержаву США и ее союзников [13, с. 27]. Кстати, А. Страус считал приемлемым в рамках глобального «униполю» определенный «многополярный баланс влияний», который отнюдь не предполагал настоящей многополярности [13, с. 28].

Во времена президентства Дж. Буша-младшего американское доминирование в мире усугублялось политикой империалистической однополярности [14, р. 349], что вызывало неприятие даже со стороны отдельных западных государств и тем более многих незападных акторов. Предлагаемый единственной сверхдержавой унилатерализм в сущности был тождественным однополярности: «Новый унилатерализм прямо и безоговорочно доказывает сохранение однополярности, поддержание избавленного от соперничества доминирования Америки в обозримом будущем» [12, р. 17]. Однополярная модель требовала усовершенствования и приспособления к мировым реалиям. Ряд авторов, в частности Н. Монтейро, полагают, что в однополярной системе существует своего рода анархия, причиной чего является «неполное силовое превосходство униполю» [15, р. 13]. Появилось осознание того, что совокупность мощных акторов все же способна в случае необходимости сбалансировать превосходство единственного полюса. Поэтому сверхдержава вынуждена использовать преимущественно «мягкую силу» и достигать добровольного согласия со своей геополитикой многих прочих акторов. Возникли представления, что «однополярный мир — это все же баланс системы власти, но не гегемонистский» [10, р. 11]. Разнообразные модификации однополярной модели учитывают необходимость ее либерализации и «плюрализации», приемлемости для многих акторов в мире.

Биполярный порядок характеризуется существованием в мире двух полюсов, сопоставимых по могуществу, каждый из которых формирует вокруг себя геостранственную систему, состоящую из взаимосвязанных с ним акторов. В такой модели именно взаимодействие двух полюсов определяет общемировую геополитическую обстановку. Для биполярного порядка характерна глобальная стабильность при возможности локальных военных конфликтов. Мировая война оказывается маловероятной из-за взаимного сдерживания полюсов. Действительно, «способность сверхдержав обеспечивать стабильность своих союзов и контроль над сферами влияния, а также наращивать экономическую и военную мощь, создавая тем самым силовые противовесы друг другу, решающим образом влияет на устойчивость биполярной системы» [16, с. 8]. Однако в случае антагонистической биполярности противоборство двух сверхдержав грозит для мира катастрофическими последствиями из-за потенциальной возможности возникновения между ними полномасштабной войны. Кроме того, существует опасность разрастания очагов локальных конфликтов на «периферии». В принципе биполярность

обрекает прочих акторов либо на присоединение к одному из полюсов, либо на балансирование между ними. Идеальная биполярность отличается от мировых реалий. Даже в период холодной войны в мире существовали мощные центры (Китай, Индия, Франция), проводящие сравнительно самостоятельную геополитику, однако, разумеется, учитывая позиции двух мировых полюсов. В условиях биполярного порядка для обеспечения своего преобладания над конкурентом один из мировых полюсов может способствовать усилению того или иного регионального полюса (центра), даже трансформации его в актора мирового уровня. При этом возможно формирование системы «двух с половиной полюсов».

Многополярный порядок предусматривает наличие в мире более двух полюсов. Многочисленные модели такого порядка включают различные наборы реальных и потенциальных (с авторской точки зрения) полюсов. Предположения, что стабильный мировой порядок можно обеспечить только при условии создания сбалансированной многополярности, выглядят весьма спорными. Странники многополярности часто приводят в качестве примера Венскую геополитическую эпоху с ее «концертом держав». Такой порядок (при всех его недостатках) оказался довольно эффективным для Европы XIX в., когда экспансия ведущих европейских государств зачастую устремлялась за пределы региона. Все же в условиях многополярного мира с трудом достигнутый баланс является непродолжительным и может нарушаться из-за неравномерности развития ведущих акторов, разногласий между ними, различий геополитических интересов и множества других факторов. Между полюсами в мире неизбежно сохранение конкуренции. Исходя из своих геополитических интересов, они могут вступать в коалиции с бывшими противниками против бывших союзников. «Баланс сил» в многополярном геополитическом порядке подвергается частым колебаниям, и его устойчивое состояние представляется труднодостижимым идеалом. Кроме того, небезосновательны опасения, что в многополярном мире может возникнуть «жесткая биполярная конфронтация альянсов государств» [17, с. 15]. А особенно пессимистические сценарии предполагают даже «войну всех против всех». Полагаем, что полюсов в современном мире не может быть много, поскольку лишь считанные единицы из числа региональных центров способны в условиях жесткой конкуренции и противодействия Запада во главе со сверхдержавой США возвыситься до уровня мировых полюсов.

Геополитические порядки разных типов могут сменять друг друга на мировой арене. Довольно распространено мнение, что процессы изменения структуры мирового порядка носят циклический характер. Например, согласно взглядам А. Бэтлера, «однополярная структура переходит в многополярную, последняя в свою очередь порождает биполярную, которая вновь переходит в однополярность и т. д.» [18, с. 77]. В соответствии с таким подходом в XXI в. однополярный мир во главе с США вначале должен трансформироваться в многополярный, который потом сменится биполярным. Современное относительное ослабление позиций США в мире и, напротив, усиление Китая, а также России и ряда других незападных центров, представляются как наступление многополярности. Полагаем в целом адекватной современную тенденцию к трансформации однополярного мира, однако вызывает сомнения фатальная обреченность мирового порядка на чередование таких циклов.

Одно-, би- и многополярная модели мирового порядка создают его достаточно отчетливый образ, однако упрощенный. Для объективности отображения желаемого мирового порядка разрабатывались также «гибридные» модели. Еще в эпоху «холодной войны» Р. Роузкранс на основе так называемой релевантной утопии предложил теоретическую модель «би-мультиполярной системы», объединяющей достоинства биполярной и мультиполярной систем и избавленной от их недостатков: «биполярные силы не будут непосредственно противостоять одна другой; мультиполярные силы не будут развиваться в неизменных антагонизмах между собой» [19, р. 322], причем предполагалось сдерживание конфликтов как внутри каждой сферы, так и между ними [19, р. 322–323]. В этих условиях рост многополярных настроений должен был усилить разрядку между биполярными силами и явиться важным шагом в направлении становления промежуточной международной системы [19, р. 326].

В 1999 г. С. Хантингтон охарактеризовал современный ему мировой порядок как «удивительный гибрид, одно-многополярную систему с одной сверхдержавой и несколькими великими державами» [20, р. 35]. Иными словами, в наличии есть один главный полюс и несколько меньших, способных проводить собственную геополитику, но не имеющих достаточно воли и силовых возможностей для того, чтобы полноценно противостоять главному и трансформировать мировую систему. Такая модель («uni-multipolar system») представляет немалый интерес и для отображения нынешнего мирового порядка.

Разочарование политиков и ученых в вышеупомянутых подходах стимулировало поиск максимально демократичных моделей мирового порядка, организованного без доминирования одного, двух или нескольких полюсов. Полярность как таковая представлялась актуальной лишь для исторического прошлого (хотя и недавнего). Показательным примером выглядит концепция «бесполярного мира». Согласно модели Р. Хааса, формирующаяся «бесполярная международная система характеризуется многочисленными центрами со значительной силой» [21]. Однако для преодоления многочисленных угроз, исходящих от анархии бесполярности, предпочтительно фактическое управление миром со стороны «центральной группы» акторов, приверженных мультилатерализму, — становление «согласованной бесполярности» [21]. Таким образом, в качестве основы организации в ближайшем будущем бесполярного мира предлагался мультилатерализм [21]. Хотя, в сущности, речь шла о своего рода «совместной однополярности» держав, разумеется, наиболее мощных и по-западному демократических.

Значительную популярность приобрели полицентрические модели мирового порядка. В идеальной полицентрической системе происходит свободное взаимодействие между разнообразными центрами (независимо от величины их потенциалов), основанное на полном равноправии и четком соответствии нормам международного права. Такой равноправный, справедливый и демократический мировой порядок без чьего-либо доминирования представляется идеалом. Однако реалии современного мира свидетельствуют о неравномерности экономического, политического и культурного развития центров и неоднозначности взаимоотношений между ними с проявлениями как сотрудничества, так и острого соперничества.

Современный мировой порядок в целом характеризуется наибольшим влиянием «коллективного» Запада. Его можно представить как своего рода макро-

империю («макрополюс»), внутри которого полюсом выступают США. Запад включает также ряд довольно мощных центров (Германию, Францию, Великобританию, Канаду, Австралию) и прочие западные страны. ЕС можно представить как неоимперское объединение стран Европейского региона. Неоимперская сверхдержава США продолжает позиционировать себя в качестве мирового лидера. Запад создает новые международные институты, призванные обеспечить его преобладающую роль в мире. Потенциальное Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) должно обеспечить экономическое могущество Запада и взаимовыгодное сотрудничество в его рамках, однако США и страны ЕС (и их ЦПП) имеют собственные интересы, поэтому неизбежно длительное согласование позиций сторон. Организованное США Транстихоокеанское партнерство (ТТП) в значительной мере направлено на ограничение экономической экспансии Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Значение Указа Д. Трампа от 23 января 2017 г. о выходе США из Соглашения о ТТП не стоит переоценивать. Очевидно, что речь идет не об отказе от проекта вообще, а об его усовершенствовании в интересах Америки.

Ныне актуализировались предложения сформировать в мировом масштабе «концерт держав», в котором «великие державы должны выполнять функцию поддержания мира, разделяя ответственность за мир, стабильность и безопасность всей мировой системы, а не только своей собственной территории и близлежащих государств» [17, с. 77]. Предлагаемый «концерт», в сущности, означает образование неформального института для полицентрического мирового порядка — в формате от десяти до семнадцати государств. Инициирование проекта «концерта держав» обусловлено прежде всего потребностями создания устойчивой системы безопасности в мире. А такая система может быть действенной лишь при наличии эффективного взаимодействия между всеми мировыми центрами в сфере безопасности. Для результативной деятельности «концерта» необходимо согласие между главными акторами по ключевым базовым вопросам. Однако у ряда ведущих акторов наблюдается, наоборот, расхождение их геополитических интересов в мире. Речь идет прежде всего о возрастающих противоречиях между США и Китаем, а также о геополитическом противостоянии между Западом и РФ.

В конце XX в. в геополитике Китая и России наблюдалось усиление противодействия западной униполярности — еще в 1997 г. они задекларировали, что «в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка» [22]. С тех пор Россия и Китай фактически превратились в «промоутеров» формирования многополярного мирового порядка. Позиции Китая в современном геоэкономическом (и геополитическом) мировом порядке существенно усилились. Он пока еще не проявляет глобальных геополитических амбиций, однако по объему экономической мощи уже достиг второго места в мире (после США). Можно предположить, что Китай постепенно формирует свою неоимперию преимущественно на геоэкономических основах, реализовывая, например, трансрегиональный проект «Один пояс, один путь». Экономическое влияние во многих странах Азии Китай использует для усиления своих геополитических позиций. В связи с этим значительное число авторов полагает, что при условии сохранения означенной тенденции может возникнуть новая биполярность двух сверхдержав — США и Китая. РФ, со своей

стороны, также претендует на повышение неформального статуса в мировом геополитическом порядке и расширение сферы влияния, особенно в Евразии. Полагаем, что для обеспечения геополитических и геоэкономических интересов РФ создает под своей эгидой неоимперскую систему на постсоветском пространстве. Недостаточность наличных экономических ресурсов для влияния в мире Россия стремится компенсировать впечатляющей военной мощью и экспансионистской геополитикой.

Для грядущего мирового порядка предлагаются триполярные модели, например, треугольника «США — ЕС — Китай». Однако квалифицировать ЕС в качестве единого и независимого от США полюса вряд ли корректно. По мнению ряда авторов, особенно российских, в формирующемся мировом порядке «первый полюс — европейско-американский, второй — китайский, третий — российский» [23, с. 46]. В этой и похожей модели, в соответствии с которой «именно треугольник Россия — Китай — США задает векторы мирового развития» [4, с. 17], полагаем преувеличенными реальные статусы в современном мире не только России, но и Китая. Более адекватным для современной России представляется статус еще не полюса мирового уровня, а великой региональной державы — «соединительного моста между Западом и Востоком» [24, с. 17]. А вот в рамках Евразии рассмотрение Китая и РФ в качестве региональных (и даже трансрегиональных) полюсов уже вполне отвечает реальному соотношению сил на континенте.

Итак, возможны различные варианты трансформации современного мирового порядка, имеющего гетерогенный и полиморфный («гибридный») характер. Довольно вероятным представляется усиление его полярности. Примером непосредственного проявления современной поляризации выступает противостояние (в политической, экономической и информационной сфере) между «коллективным» Западом во главе с США и РФ. Полагаем возможным предположить следующие основные тенденции развития мирового геополитического порядка.

Во-первых, на ближайшую перспективу в «гибридном» мировом порядке сохранится преобладание Запада как неформального макроимперского объединения государств. По большому счету для «коллективного» Запада представляется наиболее желательной «мягкая» однополярность. Он категорически не заинтересован в возникновении новых «ревизионистских» полюсов на мировой арене. Ведущая роль в мировом порядке необходима Западу прежде всего для обеспечения своей безопасности. Угрозы для нее (с точки зрения западного политикума) исходят со стороны «ревизионистских» держав, государств-«изгоев» и международного терроризма. НАТО, по-видимому, сохранит свое значение наиболее мощного военно-политического объединения в мире. Кроме того, предстоит дальнейшее (хоть и незначительное) расширение Альянса и укрепление его позиций в Европе. США как самой могущественной державе предназначено продолжать выполнение функций полюса в мировом порядке. Для ведущих западных государств очевидна необходимость сбережения сфер влияния в регионах и странах, где сосредоточены их геоэкономические интересы. При сохранении нынешних международных институтов Запад стоит перед необходимостью строить новые, как чисто западные, так и с вовлечением других стран. Для целого ряда незападных государств мира (особенно слабых) мировой порядок с преобладанием Запада считается не только выгодным, но и необходимым для суверенного существования.

Во-вторых, предполагается возрастание влияния на мировой порядок негосударственных транснациональных акторов. Державам в своих геополитических и геоэкономических проектах необходимо учитывать интересы транснациональных компаний, банков, фондов, религиозных объединений и других «системных» (легально функционирующих в рамках правовых систем) акторов. Совместные усилия и мощь государственных и негосударственных акторов (с их сетями) способны поддерживать стабильный мировой порядок. Однако мирному и безопасному существованию многих стран и стабильности мирового порядка непосредственную и всевозрастающую угрозу представляют «внесистемные» транснациональные акторы. Имеются в виду в первую очередь экстремистские транснациональные организации, осуществляющие в мире террористическую деятельность «без границ». Поэтому «системные» негосударственные акторы заинтересованы в стабильном и обеспечивающим международную безопасность мировом порядке.

В-третьих, в мире продолжается активное развитие регионализации, формирование и усиление региональных центров. Они расширяют свои сферы влияния, устанавливают неформальный контроль над соседними контрагентами, организуют интеграционные группировки, устремляются за пределы «материнских» регионов ради обеспечения своих интересов, прежде всего экономических. Наиболее мощные из центров способны стать региональными полюсами. У отдельных из них возникают амбициозные намерения влиять на мировой порядок для реализации своих геополитических и геоэкономических интересов. В редких случаях региональный полюс способен даже сформировать в регионе под своей эгидой неформальную неоимперскую систему.

В-четвертых, потенциальная возможность становления новых полюсов представляет собой вызов для геополитических и геоэкономических интересов «коллективного» Запада. США наряду с другими ведущими западными государствами, используя свою «мягкую» и «жесткую» силу, зачастую способны оказывать противодействие формированию новых полюсов. Отдельное государство, даже такое могущественное, как Китай, для обеспечения существенного влияния на мировую политику и экономику нуждается в многочисленных тесно связанных с ним (и зависимых от него) партнерах, подконтрольных институтах регионального (и трансрегионального) сотрудничества. Новому мировому полюсу нужна своя неоимперская система, способная конкурировать с Западом. Поэтому полюсов в мировом порядке много быть не может. Для незападных полюсов актуальна возможность не только конкурировать, но и конструктивно взаимодействовать между собой.

В-пятых, в более или менее отдаленной перспективе в мире может сформироваться олигополярный неоимперский геополитический порядок, представляющий собой модификацию многополярного. Предполагаемый порядок будет характеризоваться соотношением сил и взаимодействием лишь нескольких полюсов, каждый из которых сформировал свою неоимперскую систему. Такие полюса способны создавать и поддерживать международные институты, обеспечивающие соблюдение «правил игры» на мировой арене. В стабильном олигополярном геополитическом порядке заинтересованы также прочие многочисленные акторы, особенно взаимосвязанные с неформальными неоимпериями. Предполагаем, что Западная макроимперия («макрополюс») и в олигополярном порядке сохранит превосходящую другие полюса мощь. США при этом останутся могущественным

полюсом. Наиболее вероятно, что одним из полюсов станет Китай, окруживший себя неоимперскими партнерами и расширивший сферы влияния в регионах мира. Россия, особенно при достижении компромисса с Западом, предположительно способна образовать неформальную неоимперию на постсоветском пространстве. Значительно уступая по потенциалу Западу и Китаю, она все же имеет шанс стать полюсом, балансируя между ними. В полюс мирового уровня способна превратиться также Индия, если проявит соответствующую политическую волю и создаст неоимперскую систему в бассейне Индийского океана. Предполагается также развитие ряда региональных полюсов, могущих выступать союзниками полюсов мирового уровня или балансировать между ними, проводя достаточно самостоятельную геополитику на своем региональном уровне, но в рамках установленных олигополярным порядком.

В-шестых, возможно преобладание в мировом порядке неантагонистического конструктивного взаимодействия между полюсами в областях, экзистенциальных для развития человечества: действенный контроль над вооружениями, в частности, ядерными; урегулирование военных конфликтов; борьба с международным терроризмом; решение глобальных экологических проблем и т. п. Полюса мирового уровня с помощью международных институтов способны привлечь к сотрудничеству региональные центры, суверенные государства и негосударственных акторов. Однако следует учитывать и потенциальную возможность обострения конкуренции между полюсами. Запад стоит перед необходимостью разделить с несколькими другими полюсами контроль над мировыми процессами и, одновременно, ответственность за мир и безопасность на Земле.

Итак, современный мировой геополитический порядок носит «гибридный» характер и пребывает в нестабильном состоянии. Западный «униполь» во главе с США противостоит усилению полярности в мире. В регионах мира возрастает мощь отдельных полюсов, стремящихся влиять на трансформацию мирового порядка. Существующие теоретические модели мирового порядка недостаточно адекватно отображают его состояние и тенденции развития. В мире, возможно, сформируется олигополярный неоимперский геополитический порядок, в котором в качестве полюсов будут выступать неформальные неоимперии. «Коллективный» Запад как неформальный «макрополюс» (во главе с США) сохранит свое первенство в мире. Полюсами мирового порядка также, вероятно, станут Китай, Россия и Индия. В труднодостижимом идеале конструктивное взаимодействие между полюсами должно обеспечивать мирное и стабильное развитие всего мира.

Литература

1. Ikenberry J. G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. 293 p.
2. Ефремова К. А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 7, № 2. С. 5–13.
3. Сирота Н. М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 3. С. 177–181.
4. Шаклеина Т. А. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 4. С. 6–19.
5. Agnew J. A., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London: Routledge, 1995. 260 p.

6. Flint C., Taylor P. Political Geography, World-Economy, Nation-State and Locality. 6th ed. London; New York: Routledge, 2011. 340 p.
 7. Kegley Ch. W., Raymond G. A Multipolar Peace? Great-Power. Politics in the Twenty-First Century. New York: St. Martin's Press, 1994. 278 p.
 8. Mansfield E. D. Concentration, Polarity, and the Distribution of Power // International Studies Quarterly. 1993. Vol. 37, N 1. P. 105–128.
 9. Уолфорт У. Возвращение «реальной политики» // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvrashchenie-realnoi-politiki-17636> (дата обращения: 26.04.2017).
 10. Pape R. Soft Balancing against the United States // International Security. 2005. Vol. 30, N 1. P. 7–45.
 11. Layne Ch. The Unipolar Illusion. Why New Great Powers Will Rise // International Security. 1993. Vol. 17, N 4. P. 5–51.
 12. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002. Vol. 70. P. 5–17.
 13. Стрпаус А. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 27–44.
 14. Sorensen G. What Kind of World Order?: The International System in the New Millennium // Cooperation and Conflict. 2006. Vol. 41, N 4. P. 343–363.
 15. Monteiro N. Unrest Assured. Why Unipolarity is not Peaceful // International Security. 2011. N 3. P. 9–40.
 16. Богданов А. Н. На пороге биполярного мира? О перспективах системной конфронтации в XXI веке // Власть. 2015. № 2. С. 5–11.
 17. «Концерт великих держав» XXI века — многосторонний диалог великих держав в пост-транatlantическую эпоху / под ред. А. И. Никитина. М.: МГИМО-Университет, 2015. 79 с.
 18. Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее (теория) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 73–80.
 19. Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and the Future // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10, N 3. P. 314–327.
 20. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78, N 2. P. 35–49.
 21. Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U. S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. May/June. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity> (дата обращения: 26.04.2017).
 22. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка (принята в г. Москве 23.04.97). URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (дата обращения: 26.04.2017).
 23. Богатуров А. Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 1. С. 44–57.
 24. Пляйс Я. А. Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1. С. 6–19.
- Для цитирования:** Гольцов А. Г. Геополитический порядок в мире: тенденции развития // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 334–347. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.405>

References

1. Ikenberry J. G. *After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2001. 293 p.
2. Efremova K. A. Formirovanie «novogo mirovogo poriadka»: teoreticheskie interpretatsii i prakticheskaia realizatsiia [Towards the New World Order: Theoretical Interpretations and Practical Implementations]. *Sravnitel'naia politika*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 5–13. (In Russian)
3. Sirota N. M. Poniatie «mirovoi poriadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse [“World Order” Notion in Modern Theoretical Discourse]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 3, pp. 177–181. (In Russian)
4. Shakleina T. A. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and Contemporary World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 6–19. (In Russian)
5. Agnew J. A., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London, Routledge Publ., 1995. 260 p.

6. Flint C., Taylor P. *Political Geography, World-Economy, Nation-State and Locality*. 6th ed. New York, London, Routledge Publ., 2011. 340 p.
7. Kegley Ch. W., Raymond G. A. *Multipolar Peace? Great-Power. Politics in the Twenty-First Century*. New York, St. Martin's Press, 1994. 278 p.
8. Mansfield E. D. Concentration, Polarity, and the Distribution of Power. *International Studies Quarterly*, vol. 37, no. 1, 1993, pp. 105–128.
9. Wohlforth W. Vozvrashchenie «real'noi politiki» [The Return of Realpolitik]. *Rossia v global'noi politike*, 2015, no. 4. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvrashchenie-realnoi-politiki-17636> (accessed: 26.04.2017). (In Russian)
10. Pape R. Soft Balancing against the United States. *International Security*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 7–45.
11. Layne Ch. The Unipolar Illusion. Why New Great Powers Will Rise. *International Security*, 1993, vol. 17, no. 4, pp. 5–51.
12. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*, 2002, vol. 70, pp. 5–17.
13. Straus A. Unipoliarnost'. Kongsentricheskaiia struktura novogo mirovogo poriadka i pozitsiia Rossii [Unipolarity. The Concentric Structure of the New World Order and the Position of Russia]. *Polis. Politicheskoe issledovaniia*, 1997, no. 2, pp. 27–44. (In Russian)
14. Sorensen G. What Kind of World Order?: The International System in the New Millennium. *Cooperation and Conflict*, 2006, vol. 41, no. 4, pp. 343–363.
15. Monteiro N. Unrest Assured. Why Unipolarity is not Peaceful. *International Security*, 2011, no. 3, pp. 9–40.
16. Bogdanov A. N. Na poroge bipoliarnogo mira? O perspektivakh sistemnoi konfrontatsii v XIX veke [On the Threshold of a Bipolar World? The Prospects of the Systemic Confrontation in the 21st Century]. *Vlast'*, 2015, no. 2, pp. 5–11. (In Russian)
17. «Kongsert velikikh derzhav» XXI veka — mnogostoronnii dialog velikikh derzhav v post-transatlanticheskuiu epokhu [“Concert of the Great Powers” of the XXI Century — Multilateral Dialogue of Great Powers in the Post-transatlantic Era]. Ed. by A. I. Nikitin. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2015. 79 p. (In Russian)
18. Battler A. Kontury mira v pervoi polovine XXI veka i chut' dalee (teoriia) [World's Contours in the First Half of XXI Century and a Bit Beyond (Theory)]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2002, no. 1, pp. 73–80. (In Russian)
19. Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and the Future. *Journal of Conflict Resolution*, 1966, vol. 10, no. 3, pp. 314–327.
20. Huntington S. The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 2, pp. 35–49.
21. Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*, 2008, May/June. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/63397/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity> (accessed: 26.04.2017).
22. Rossiisko-kitaiskaia sovместnaia deklaratsiia o mnogopoliarnom mire i formirovanii novogo mezhdunarodnogo poriadka (priniata v g. Moskve 23.04.97) [Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order (adopted in Moscow on 23 April 1997)]. Available at: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (accessed: 26.04.2017). (In Russian)
23. Bogaturov A. D. Mezhd siloi i vliianiem gosudarstv [Between Power and Influence of States]. *Sravnitel'naia politika*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 44–57. (In Russian)
24. Pliais Ia. A. Novyi mir i novye mezhdunarodnye otnosheniia [The New World and the New International Relations]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2016, no. 1, pp. 6–19. (In Russian)

For citation: Goltsov A. G. Geopolitical order in the world: Trends of development. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 334–347.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.405>

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2017 г.
 Статья рекомендована в печать 18 октября 2017 г.